

<https://doi.org/10.34883/PI.2023.14.1.006>

Фатеев Ю.С.¹ ✉, Плужников И.В.^{1,2}

¹ Научный центр психического здоровья, Москва, Россия

² Московский институт психоанализа, Москва, Россия

Развитие знаково-символической и смысловой систем при шизофрении: взгляд через призму психоанализа

Конфликт интересов: не заявлен.

Вклад авторов: Фатеев Ю.С. – разработка и обсуждение замысла и дизайна исследования, сбор материала, его анализ и структурирование, подготовка статьи к публикации; Плужников И.В. – разработка и обсуждение замысла и дизайна исследования, редактирование и утверждение финального варианта статьи.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-013-00772.

Подана: 19.12.2022

Принята: 09.01.2023

Контакты: fateev.yuri@gmail.com

Резюме

В рамках культурно-исторического подхода к расстройствам мышления при шизофрении в качестве центрального дефекта выделяется патологическое функционирование понятийного аппарата (знаково-символической системы) и динамической смысловой системы. В настоящей статье делается попытка рассмотреть данные нарушения в их онтогенетическом развитии с учетом того вклада, который может внести психоаналитический подход в понимание их причин. Данные теоретические школы являются наиболее разработанными подходами в изучении развития индивида, однако делают в нем различные акценты. Так, культурно-историческая психология в большей степени опирается на развитие мышления и роль значения в организации психических функций, а психоанализ – на роль раннего опыта в развитии эмоциональной регуляции, Эго, защитных механизмов. Психоаналитический подход, особенно теория объектных отношений, позволяет раскрыть специфику аффективной сферы и диадического взаимодействия, а также появление символа на ранних этапах онтогенеза, которые обуславливают развитие смыслового поля и символической функции. Особый акцент в рамках психоанализа делается на детском опыте, ведущем к различным патологиям, включая возможные нарушения символической функции при расстройствах шизофренического спектра. Структуралистский подход в понимании психоза, представленный Ж. Лаканом, позволяет увидеть точки пересечения между данными концепциями, проведя параллели между нарушениями в формировании означающего у человека с психотическим уровнем функционирования и нарушениями предметной отнесенности, а в последующем понятийного аппарата при шизофрении.

Ключевые слова: знаково-символическая система, динамическая смысловая система, психоанализ, культурно-историческая психология, шизофрения, онтогенетическое развитие

Iurii S. Fateev¹ ✉, Ilya V. Pluzhnikov^{1,2}

¹ Mental Health Research Center, Moscow, Russia

² Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

Development of Symbolic and Semantic Systems in Schizophrenia: A View through the Prism of Psychoanalysis

Conflict of interest: nothing to declare.

Authors' contribution: Fateev Iu. – study concept and design, literature search and material processing, article preparation; Pluzhnikov I. – study concept and design, text editing, and approval of the final version of the article.

Funding. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number № 20-013-00772.

Submitted: 19.12.2022

Accepted: 09.01.2023

Contacts: fateev.yuri@gmail.com

Abstract

Within the framework of the cultural and historical approach to thought disorders in schizophrenia, the pathological functioning of the conceptual apparatus (symbolic system) and the dynamic semantic system is singled out as a central defect. This article attempts to examine these disorders in their ontogenetic progression, taking into account the contribution that the psychoanalytic approach may have in understanding their causes. These theoretical schools represent the most developed approaches in studying the evolution of individuality, but they emphasize it in different ways. Thus, cultural-historical psychology relies mostly on the development of thinking and the role of meaning in organizing mental functions, while psychoanalysis focuses on the role of early experience in the development of emotional regulation, the ego, and defense mechanisms. The psychoanalytic approach, especially the theory of object relations, allows revealing the specificity of the affective sphere and dyadic interaction, as well as the appearance of a symbol in the early stages of ontogenesis, which determine the development of the meaning field and the symbolic function. Particular emphasis within psychoanalysis is given to childhood experiences leading to various pathologies, including eventual disturbances of symbolic function in schizophrenic spectrum disorders. The structuralist approach to understanding psychosis, presented by J. Lacan, allows seeing points of intersection between these approaches, drawing parallels between disturbances in the formation of the signifier in an individual with a psychotic level of functioning and disturbances in object relations, and subsequently the conceptual apparatus in schizophrenia.

Keywords: symbolic system, dynamic semantic system, psychoanalysis, cultural-historical psychology, schizophrenia, ontogenetic development

■ ВВЕДЕНИЕ

В связи с тем, что культурно-исторический и психоаналитический подходы считались полярными и даже несовместимыми, до недавнего времени сравнение теорий развития в рамках данных концепций не проводилось. В последние годы, однако,

набирают популярность работы, ставящие своей целью демонстрацию точек пересечения в данных подходах [28, 35]. Действительно, некоторые основополагающие принципы развития психических функций сопоставимы, например, в концепции Л.С. Выготского основной характеристикой высших психических функций является их опосредствованность. Подобную опосредованность можно найти и в психоанализе, например концепция о «переходном объекте», с помощью которого происходит полное отделение знака от исходного объекта [32]. Кроме того, в обоих подходах важная роль отводится социальности – психические функции развиваются только в контексте взаимодействия с другим человеком. Также существует сходство в данных подходах в отношении к психическим функциям, которые рассматриваются как части целого, динамического образования [28]. Культурно-историческая психология и психоанализ, как и психиатрия, не обошли стороной вопрос о шизофрении, которая представляет интерес в связи с высокой распространенностью заболевания (около 1% населения), тяжестью его последствий (ранняя смертность, ограничения социальной и профессиональной деятельности) и значительными экономическими затратами [19, 25]. Патопсихология, основанная на культурно-исторической парадигме, направляла свое внимание на развитие диагностического аппарата и классификацию нарушений психических функций; в рамках психоанализа основное внимание уделялось практической работе с пациентами с данной нозологией.

Особенности знаково-символической и смысловой систем при шизофрении

Специфические особенности эмоционально-личностной и когнитивной сферы при шизофрении являлись предметом изучения психиатрии и клинической психологии на протяжении XIX–XX вв. Э. Крепелин, описывая *dementia praecox*, характеризовал заболевание как распад психической личности с выраженными нарушениями чувств и воли; мыслительная деятельность данных пациентов также со временем изменяется, становясь разорванной и бессвязной [14]. Е. Блейлер, характеризуя специфику заболевания, говорил об особой дезорганизации процессов мышления, которая выражается в его алогичности, оторванности от внешней реальности и подчинении аффективным потребностям [6].

В отечественной патопсихологии также акцентировалось внимание на мышлении пациентов с шизофренией, наиболее специфическим для которого является установление бессодержательных связей. Б.В. Зейгарник определяла это как искажение его операционального звена в виде опоры на латентные признаки и неучета конкретных свойств предметов [36]. Л.С. Выготский, на работы которого она опиралась, считал, что причиной данных феноменов является нарушение понятийного аппарата, в результате которого пациенты в мыслительной деятельности опираются на ассоциативные комплексы вместо понятийных обобщений [29].

В то же время в работах Б.В. Зейгарник можно найти иное объяснение специфическим нарушениям мышления при шизофрении, а именно нарушению его личностного компонента. С данной точки зрения причиной искаженного протекания мыслительной деятельности и игнорирования существенных признаков является преобладание смыслового, основанного на измененных мотивах отношения к предметам [36]. Нарушения мотивационно-потребностной сферы при шизофрении отмечали также А.Б. Холмогорова [10], Ю.Ф. Поляков [15] и другие. Существующие данные современных исследований о нарушении у пациентов с шизофренией понимания

контекста и переносного смысла [4], учитывания мотивов, целей взаимодействия других в процессе коммуникации, их ролей и правил поведения [8], восприятия мимических проявлений эмоций и их дифференциации [9] многие авторы обозначают как нарушения социального познания [11]. В рамках культурно-исторической психологии подобные нарушения можно определить как нарушения динамической смысловой системы. Именно понятие «смысла» было введено Л.С. Выготским для описания динамического образования, представляющего собой единство контекстуального, аффективного, мотивационного содержания слова и его связей, что отличает его от «значения», которое является устойчивой системой обобщений, стоящей за словом [30]. При этом смыслы представляют собой динамическую систему: «Смыслы как бы вливаются друг в друга и как бы влияют друг на друга, так что предшествующие как бы содержатся в последующем или его модифицируют» [30, с. 349].

Онтогенетическое развитие смысловой системы через призму психоанализа

Основа для формирования значений у ребенка начинает развиваться еще на довербальной стадии на основе общего со взрослым контекста и аффективного взаимодействия, которые создают общее смысловое поле, разделяя мир на значимое и незначимое [33, 34]. На первых этапах слово и его смысл соотносятся между собой за счет совместного внимания и совместного контекста общения взрослого и ребенка; предметная отнесенность еще неустойчива и зависит от ситуации. М. Томаселло подчеркивает значимость триады «ребенок – взрослый – указательный жест» для формирования предметной отнесенности и последующего развития знаково-символической системы [27]. Однако, помимо указания на предмет, специфическим для человека является то, что жест выступает в качестве средства информирования или приобщения к переживанию [2]. Дж. Колл описывает условия формирования довербального основания речи и простейшей мысленной репрезентации себя и объекта; специфика диалогового взаимодействия в диаде «родитель – ребенок» основана на единстве мимической реакции и вокализации на улыбку ребенка, что создает общее смысловое поле между ними. Голос и лицо матери являются динамически изменяющимся и ритмически организованным аспектом социального взаимодействия, за счет которого идет эмоциональное и когнитивное развитие младенца [7].

В связи с описанным выше на ранних этапах развития знаково-символической системы необходимым является ситуация взаимодействия с окружением, учитывание смысловых и аффективных компонентов коммуникации. В рамках психоаналитического подхода особенности развития пациентов с шизофренией также связываются со спецификой аффективной сферы и, как следствие, с нарушением ранних отношений со значимым Другим. Причиной этого могут выступать как органические/генетические, так и средовые факторы: эмоциональная депривация, преобладание негативных переживаний, особенности значимого Другого, использующего «двойные послания» или нечувствительного к потребностям ребенка, в результате чего развивается «базисный дефект» на первичном, довербальном уровне психики, который препятствует построению социальных отношений [1]. Ранние взаимодействия с матерью описываются в рамках концепции диадических отношений М. Кляйн, контейнирования У. Биона, двойных посланий Г. Бейтсона. Концепция Мелани Кляйн подчеркивает свойственные младенцу тревоги и страхи преследования в связи с первичным расщеплением как внешних объектов, так и самого Эго и механизмами

проекции-интроекции. Это расщепление преодолевается в рамках диадических отношений с матерью за счет процесса инкорпорации «хорошего объекта», который может быть подорван при наличии чрезмерно сильных страхов, связанных со страхом смерти, травмой рождения (тревога сепарации) и фрустрацией телесных потребностей, что способствует фиксации на параноидно-шизоидной позиции и неспособности интегрировать как внешнюю реальность, так и внутреннюю [13]. В результате субъект под влиянием довербальных психологических защит продолжает проецировать на окружающих собственные деструктивные импульсы, которые искажают образ мира и социальной реальности. В дальнейшем это было более подробно описано для взрослого возраста теоретиками объектных отношений [20]. У. Бийон также подчеркивал важность влияния первичных аффектов на развитие патологии мышления, причиной чего могут являться как врожденные особенности темперамента младенца, так нечувствительности матери к его переживаниям и чрезмерная фрустрация его потребностей. При нормальном развитии мать выполняет контейнирующую функцию, помогая ему переработать и воспринять «хаотические переживания»; в будущем этот процесс составит его собственную способность к мышлению, то есть к модификации своих переживаний в доступные для сознания единицы [5]. В разработанной Г. Бейтсоном концепции «двойного послания» (double bind) также важная роль отводится взаимодействию со значимым Другим, в котором ребенок на постоянной основе получает противоречивые послания на разных уровнях коммуникации (например вербальном и невербальном). Результатом этого может стать развитие специфических для шизофрении стратегий коммуникации (в виде ухода, параноических построений или конкретности суждений) как способа выйти из ситуации «двойного послания» и адаптации к данному внутрисемейному взаимодействию. Понимание истинного намерения, послания другого человека и учет контекста коммуникации оказываются недоступными [3]. Эмпирические исследования подтверждают особую семейную коммуникацию, в которой родственники пациентов с шизофренией делают значительно больше высказываний, навязывающих пациенту чувство неадекватности собственного восприятия (например, утверждающие, что он испытывает чувство, иное тому, о котором он заявляет) [21].

Таким образом, в раннем возрасте закладывается основа для развития знаково-символической функции в виде разделенного со взрослым смыслового поля, которое выстраивается за счет общего контекста, жеста, голоса, мимических проявлений в ответ на действия ребенка. В рамках психоаналитического подхода описывается специфика психической жизни младенца на данной стадии развития и важность его коммуникации со значимым Другим, которая либо позволяет ему перейти от хаоса переживаний к реалистичному восприятию себя, других и внешнего мира, либо фиксирует в собственном аутистическом мышлении, основанном на примитивных защитных механизмах.

Онтогенетическое развитие знаково-символической системы через призму психоанализа

В психоанализе используется термин «символ», который обозначает способность обобщить, синтезировать эмоциональный опыт, что по сути может являться аналогом значения в эмоциональной сфере и являться средством для опосредствования эмоциональных переживаний. Символы служат для контакта с внешним

миром, но также и для внутренней коммуникации – они позволяют интегрировать не только внешние объекты и их связи, но и части Эго. В концепции М. Кляйн при нормальном детском развитии преодоление параноидно-шизоидной позиции происходит посредством создания символа, который интегрирует расщепленные части в целое. Символ выступает опосредующим звеном в отношениях между человеком и объектом и помогает ему справиться с вызванной этими отношениями тревогой [12]. Х. Сигал, развивая концепцию символа М. Кляйн, пишет, что на ранних стадиях еще не существует осознания собственно символических отношений, объект и символ как бы слиты; этот феномен она называет «символическим приравниванием» [23]. Д. Винникотт говорит о «переходном объекте», который является связующим звеном между реальностью ребенка и реальностью матери и который заменяет ее в момент отсутствия. «Переходный объект» находится на границе между полным отождествлением символа и объекта и их дифференциации. В развитии отношения к переходному объекту прослеживается развитие символической функции [32]. При переходе к восприятию объекта как целостного необходимость защитить и сохранить его приводит к дифференциации между ним и символом, что дает большую свободу в их использовании. На данном этапе символ воспринимается как репрезентация объекта [23]. По У. Биону, при оптимальной фрустрации на ранних этапах развития ребенку становится доступна простейшая символизация, и в отсутствие ожидаемой груди матери переживание «отсутствующей» груди трансформируется в мысль об этом [24].

Существующие задержки в формировании символа, вызванные чрезмерной тревогой и отказом от фантазирования, могут являться причиной развития психоза. Допускается также, что регрессия к параноидно-шизоидной позиции может произойти на любом этапе развития личности при наличии сильных тревог. Так, «символическое приравнивание» лежит в основе конкретного мышления пациентов с шизофренией, которое проявляется, даже если ранее была достигнута дифференциация символа и объекта [23]. Психотическая личность, не имея иной возможности справиться с фрустрацией, разрушает ту часть психического аппарата, которая способна ее воспринимать, то есть функцию мышления, что размывает границы между субъектом и реальностью, лишает слова значения, делает невозможным общение, формирование символов, синтез объектов [24].

Важный толчок в развитии символической функции дает усвоение языка. Первый абстрактный символ, который становится доступен для понимания ребенка, – это «нет». Он позволяет ребенку вербально выражать желания и потребности и дифференцировать их от желаний матери. На уровне символов-слов становится доступным вербальное мышление. Способность мысленно манипулировать символами позволяет выстраивать причинно-следственные связи, становится основой категоризации и абстрагирования. Язык помогает структурировать как внешний мир, так и внутренний и делиться информацией об этом с другими людьми, а также контролировать свои аффекты. Символическое мышление на этом уровне дает ребенку возможность совершить «пробное действие», визуализировать его, без необходимости совершать физическое действие [26].

С точки зрения культурно-исторического подхода развитие мышления на определенном этапе становится связано с развитием речи. Как уже было сказано ранее, предметная отнесенность слова формируется за счет единого контекстуального и

аффективного смыслового поля ребенка и взрослого. Значение как обобщающая функция слова на ранних этапах развития напрямую зависит от актуального опыта ребенка. В раннем возрасте значение слова определяется связанным с ним аффективным смыслом, в дошкольном – наглядно-действенным опытом [18]. Постепенно процесс обобщения начинает основываться на категориальных признаках, что характеризует понятийный аппарат у взрослого человека. Значение и смысл разотжествляются, система сознания и иерархия психических функций перестраивается. Мышление становится независимым от аффектов, а само, напротив, становится основой волевого поведения, влияя на аффективную и мотивационно-потребностную сферы [30]. Согласно Л.С. Выготскому, при шизофрении наблюдается распад этой системы сознания, во главе которой стоит вербальное мышление, и аффекты возвращаются к своему примитивному состоянию; таким образом, человек с шизофренией «перестает речевым способом обращаться с самим собой» [31, с. 127]. В основе этого лежит распад значений как в звене их предметной отнесенности («долгота» понятия), так и в звене их связи друг с другом («широта» понятия), поскольку смыслы, устойчивой частью которых являются значения, находятся в едином динамическом смысловом поле [35].

Значение речи, отношений между означающим и означаемым при шизофрении описано в теории Ж. Лакана, в которой концепция личности строится на основе знакового, языкового сознания. Язык позволяет замещать конкретный, но в момент коммуникации отсутствующий объект условным обозначением, словом. Таким образом слово, выступающее в роли символа, «убивает вещь», которую замещает, тем самым означающее фиксирует отсутствие означаемого, что позволяет говорить о принадлежности означающего символическому [17]. В рамках объяснения психотического языка Ж. Лакан прибегает к тому факту, что психотик обращается со словами, как с вещами, не делая между ними разницы. Слово даже более реально, чем предмет. Нарушается первичная символизация на уровне вхождения человека в язык, точка отсчета в случае психоза находится в том первичном событии, которое до этой стадии начальной символизации не доходит и отторгается раньше, в асимволической форме. Можно заключить, что, по Ж. Лакану, психотическое означающее принадлежит реальному, а не символическому (как при невротическом развитии) [16]. Если проводить параллели между этими двумя концепциями, Ж. Лакан объясняет психотические особенности тем, что язык оторван от реальности, означающее лишено, если рассматривать концепцию Л.С. Выготского, предметной отнесенности, которая была бы тем самым мостиком в реальность.

■ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье описанные выше особенности раннего развития знаково-символической и смысловой системы были рассмотрены через призму психоаналитического подхода. Можно заключить, что психоаналитический подход позволяет несколько обогатить имеющиеся представления о столь сложном и раннем этапе развития психики. В рамках культурно-исторического подхода разделенное со взрослым смысловое поле, представленное в основном аффективно насыщенной невербальной коммуникацией, является благоприятной почвой для развития знаково-символической системы, понятийного аппарата. Так, в теории психоанализа существует представление о ранних примитивных переживаниях, что в последующем

должно быть интегрировано в рамках диадических отношений. Можно предположить, что отсутствие интеграции примитивных переживаний у пациентов с шизофренией вследствие органических или средовых факторов (особенности темперамента, чрезмерная фрустрация потребностей, нечувствительная к переживаниям ребенка мать, «двойные послания») искажает восприятие ситуации коммуникации, понимание мотивов и целей других ее участников, что в рамках культурно-исторической психологии можно определить как нарушение динамической смысловой системы. Что же касается знаково-символической системы, то в рамках отечественной школы ее развитие связано с формированием предметной отнесенности и категориального значения. Психоаналитический подход также имеет схожие представления о развитии символической функции. Так, М. Кляйн, Х. Сигал, Д. Винникотт выделяют, что в процессе диадических отношений формируется первый символ (или переходный объект), который позволяет интегрировать переживания ребенка и сделать их доступными для осознания и управления в мысленном плане. В случае психоза мышление опирается не на символ, а на «символическое приравнивание», где символ равен объекту, на который он указывает. Существующие представления о речи при психозе Ж. Лакана и Х. Сигал говорят о специфике психотического языка, который не опирается на реальность и в котором означающее (слова-символы) обладает материальностью реальных объектов. В рамках культурно-исторического подхода это можно обозначить как нарушение предметной отнесенности, за счет которого разрушается вся система значений, а вместе с этим и понятийный строй мышления.

■ ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. Balint M. *The basic fault: Therapeutic aspects of regression*. Moscow: Kogito-Centr; 2002. (in Russian)
2. Bates E., Camaioni L., Volterra V. The acquisition of performatives prior to speech. *Merrill-Palmer quarterly of behavior and development*. 1975;21(3):205–226.
3. Bateson G. *Toward a theory of schizophrenia. Ecology of mind* Moscow: Smysl; 2000. (in Russian)
4. Bazin N., Perruchet P., Hardy-Bayle M.C., Feline A. Context-dependent information processing in patients with schizophrenia. *Schizophrenia research*. 2000;45(1–2):93–101. DOI: 10.1016/S0920-9964(99)00167-X
5. Bion W.R. A theory of thinking. Litvinov A.V., Haritonov A.H. (eds) *The ideas of W.R. Bion in modern psychoanalytic practice*. Moscow: Russkoe psihoanaliticheskoe obshchestvo; 2008. (in Russian)
6. Blejler Je. *Autistic thinking*. Odessa: Poligraf. 1927. (in Russian)
7. Call J.D. Some prelinguistic aspects of language development. *Journal of the American Psychoanalytic Association*. 1980;28(2):259–89. DOI: 10.1177/000306518002800201
8. Corrigan P.W., Green M.F. The Situational Feature Recognition Test: A measure of schema comprehension for schizophrenia. *International Journal of Methods in Psychiatric Research*. 1993.
9. Corrigan P.W., Penn D.L. Social cognition and schizophrenia. American Psychological Association; 2001. DOI: 10.1037/10407-000
10. Kholmogorova A.B. (1983) *Disorders of the reflexive regulation of cognitive activity in schizophrenia* (PhD Thesis). Moscow, 219 p. (in Russian)
11. Kholmogorova A.B., Rychkova O.V. *Disturbances of social cognition. A new paradigm in research on central psychological deficits in schizophrenia*. Moscow: Forum; 2016. (in Russian)
12. Klein M. The importance of symbol-formation in the development of the ego. *International Journal of Psycho-Analysis*. 1930;11:24–39.
13. Klein M. *Notes on some schizoid mechanisms. Developments in psychoanalysis*. Moscow: Akademicheskij Proekt; 2001. (in Russian)
14. Krepelin E. *Introduction to Psychiatric Clinic*. Moscow: Binom. Lab. znaniy; 2007. (in Russian)
15. Kritskaya V.P., Melesenko T.K., Polyakov Yu.F. *Pathology of mental activity in schizophrenia. Motivation, communication, knowledge*. Moscow: Izd-vo MGU; 1991. (in Russian)
16. Lacan J. *On a question preliminary to any possible treatment of psychosis. The agency of the letter in the unconscious or reason since Freud*. Moscow. 1997:88–135. (in Russian)
17. Lakan J. *The function and field of speech and language in psychoanalysis*. Moscow: Gnozis; 1995. (in Russian)
18. Luriya A.R. *Language and consciousness*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta; 1998. (in Russian)
19. McCutcheon R.A., Marques T.R., Howes O.D. Schizophrenia – an overview. *JAMA psychiatry*. 2020;77(2):201–10. DOI: 10.1001/jamapsychiatry.2019.3360
20. McWilliams N. *Psychoanalytic diagnosis: Understanding personality structure in the clinical process*. Moscow: Klass; 2001. (in Russian)
21. Miklowitz D.J., Goldstein M.J., Nuechterlein K.H. Verbal interactions in the families of schizophrenic and bipolar affective patients. *Journal of Abnormal Psychology*. 1995;104(2):268. DOI: 10.1037/0021-843X.104.2.268

22. Romanov D.V., Shishova A.A. Psychological diagnostics of cognitive impairments in personality disorders: a model of schizoid disorder. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*. 2010;12(5–2):463–465. (in Russian)
23. Segal H. Notes on symbol formation. *International Journal of Psycho-Analysis*. 1957;38:391–7.
24. Starovojtov V.V. Post-Kleinian school of psychoanalysis in the works of W. Bion. *Zhurnal prakticheskoy psihologii i psihoanaliza*. 2012;2. (in Russian)
25. Stilo S.A., Murray R.M. The epidemiology of schizophrenia: replacing dogma with knowledge. *Dialogues in clinical neuroscience*. 2022. DOI: 10.31887/DCNS.2010.12.3/sstilo
26. Tajson F., Tajson R.L. *Psychoanalytic theories of development*. Moscow: Kogito-centr; 2006. (in Russian)
27. Tomasello M. *Origins of human communication*. Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur; 2011. (in Russian)
28. Vasil'eva N.L. Theory of development in psychoanalysis and domestic child psychology. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2006;4:186–193.
29. Vygotsky L.S. *Disturbances of concepts in schizophrenia*. Moscow: Publishing house APN RSFSR. 1956:481–96.
30. Vygotskij L.S. *Thinking and speech*. Coll. works. Vol. 2. M.: Pedagogika. 1982:6–361. (in Russian)
31. Vygotskij L.S. *About psychological systems*. Coll. works. Vol. 1. M.: Pedagogika. 1982:109–131. (in Russian)
32. Winnicott D.W. Transitional objects and transitional phenomena – a study of the first not-me possession. *Anthology of modern psychoanalysis*. 2000;1:186–200. (in Russian)
33. Zavershneva E.Ju. «Consciousness without a word»: L.S. Vygotsky on the pre-speech horizon of a person. *Voprosy psihologii*. 2016;5:71–87. (in Russian)
34. Zavershneva E.Ju. Ontogenia of the semantic field. *Proceedings of the international symposium "L.S. Vygotsky and modern childhood" (Moscow)*. Moscow: Publ. National Research University "Higher School of Economics". 2017:21–23. (in Russian)
35. Zavershneva E.Ju. Psychosis, language and behavioral freedom. *Voprosy psihologii*, 2019;1:101–13. (in Russian)
36. Zejgarnik B.V. *Pathopsychology: a textbook for university students*. Moscow: MGU; 1986. (in Russian)